

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ПОЛЕССКОГО ВОЕВОДСТВА ПОЛЬШИ В ОЦЕНКАХ ДЕЯТЕЛЕЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ

Олег Казак
Минск, Беларусь

В статье анализируется комплекс делопроизводственных документов Коммунистической партии Западной Беларуси и выявляются характерные для членов данной партии представления о национальной специфике коренных восточнославянских жителей Западного Полесья. Приведенные в работе факты позволяют значительно дополнить картину формирования национального самосознания населения западнополесского региона.

***Ключевые слова:* Полесье, национальная идентичность, Коммунистическая партия Западной Беларуси**

Межвоенная Польша представляла собой многонациональное государство. При этом процесс формирования национальной идентичности населения этноконтактных регионов не был завершен. Польские власти старались использовать данный феномен для ограничения участия жителей таких регионов в развитых национальных движениях (белорусском, украинском и др.). В данном контексте особый интерес представляет пример Полесского воеводства. Вопрос национального самосознания его жителей являлся и является предметом научных поисков историков, этнографов, политологов, лингвистов. Так, современный польский исследователь П. Тихорацкий обратил внимание на формирование представлений о полешуках в польской прессе и публицистике межвоенного периода. Историк отмечает «экзотичность» образа жителя Полесского

воеводства и одновременное подчеркивание в прессе культуртрегерской роли польского элемента в регионе [1]. Для всестороннего анализа сложных процессов становления национального самосознания жителей Западного Полесья необходимо рассмотрение и иных типов источников. В этой связи особый интерес представляют архивные документы, отложившиеся в фонде Коммунистической партии Западной Беларуси (далее – КПЗБ) Национального архива Республики Беларусь. В своей оценке населения Полесского воеводства коммунисты руководствовались преимущественно утилитарными соображениями, стремлением говорить с местными жителями «на их языке».

В первой половине 1920-х гг. белорусское движение в Полесском воеводстве было значительно слабее украинского [2, s. 174]. В этот период КПЗБ (основана в 1923 г.), участвовавшая в диверсионном партизанском движении, активно эксплуатировала национальные лозунги. С 1925 г., однако, ключевую роль в политической риторике КПЗБ стали играть антикапиталистические, экономические и социальные лозунги, а национальный вопрос (особенно в условиях Полесья) отошел на второй план [3, s. 86]. Постепенно КПЗБ становилась серьезной политической силой, представлявшей серьезную опасность для польских властей. В южных районах Полесья действовала Коммунистическая партия Западной Украины (далее – КПЗУ; основана в 1923 г.). Поскольку идея классовой борьбы для КПЗБ и КПЗУ являлась приоритетной по отношению к национальному вопросу, в тех районах, которые находились в «юрисдикции» КПЗБ, даже в легальные организации, имевшие в своем названии прилагательное «украинский», были внедрены члены КПЗБ [3, s. 95]. Показательна в этом плане деятельность украинской культурной организации «Просвита», функционирование которой в Полесском воеводстве началось в 1923 г. Согласно отчетам полесского воеводы, уже первые акции данной организации носили явный антипольский характер и находили серьезную поддержку среди местного населения [4, с. 221]. Архивные источники свидетельствуют, что к концу 1920-х гг. члены КПЗБ внедрились во многие местные кружки «Просвиты» и заняли в них руководящие посты. Так, в отчете Брестского окружного комитета от 9 февраля 1932 г. отмечалось, что контроль над деятельностью «Просвиты» в Бресте осуществляли внедренные в организацию члены КПЗБ. При этом автор отчета просил руководство КПЗБ прислать в регион «литературу на украинском языке в особенности» [5, л. 375]. КПЗБ конкурировала в борьбе за руководство над местными организациями «Просвиты» с представителями Украинского национально-демократического объединения (далее – УНДО) – крупнейшей легальной украинской политической партии в Польше. Согласно отчетной документации КПЗБ, местные власти (старосты) старались запретить кружки «Просвиты», если считали их руководителей коммунистами. Если же, по мнению старост, во главе кружков стояли члены УНДО, ячейки «Просвиты» получали разрешение на работу [6, л. 400]. В результате давления властей к 1933 г. функционирование «Просвиты» на Полесье фактически прекратилось, а в 1935 г. организация была официально запрещена [4, С. 227–228]. Члены КПЗБ в отдельных случаях сумели извлечь выгоду даже из этой ситуации. Так, в отчете пружанской партийной организации отмечалось: «У нас по району было много библиотек “Просвиты”. Теперь они ликвидированы, и полиция приказала все книжки из этих библиотек сдать. Но мы сдали полиции только самые худшие ундовские книжки, а хорошие книжки были разобраны по рукам. Теперь часто парни собираются и читают эти книжки» [7, л. 212]. Взаимоотношения КПЗБ и украинской «Просвиты» как нельзя точно иллюстрируют вывод, сделанный современным польским исследователем В. Слешинским: «Полесский крестьянин, даже разделявший украинское национальное самосознание, в большей степени был заинтересован вопросами экономическими, чем политическими» [3, s. 97]. Для польских властей именно коммунистическая идеология, а не белорусские или украинские национальные движения, была главной угрозой на Полесье [3, S. 85–86].

Польские власти сознательно поддерживали среди жителей Полесского воеводства локальную («тутэйшую») модель идентичности с целью блокирования их

участия в реализации белорусского, украинского и русского национальных проектов. Разработчики данной политики планировали, что население региона будет стремиться к освоению более «высокой» польской культуры и таким образом интегрируется в польский социокультурный ландшафт [8]. На съезде поветовых старост в феврале 1926 г. полесский воевода К. Млодзяновский фактически очертил контуры политики государственной ассимиляции, заявив о необходимости формирования «уважительного и доверительного отношения местного населения к польскому государству» [4, с. 142]. Главный проводник польской политики регионализма и ограниченной поддержки локальной полесской идентичности воевода В. Костек-Бернацкий (1932–1939 гг.) указывал на необходимость использования местных говоров («ломанного языка») вместо белорусского, украинского или русского языков, но лишь в тех случаях, когда в школах, церкви или администрации население не могло понять смысл фраз, произнесенных по-польски [9, с. 377]. В одном из распоряжений воеводы, адресованном местным органам управления, утверждалось следующее: «Полешуков, которые категорически не относят себя украинцам, белорусам или русским, следует считать поляками без учета их вероисповедания и местного диалекта. [...] Следует понимать их местный диалект, но говорить с ними только по-польски, как, впрочем, и со всеми другими» [10, с. 167–168].

Подобная политика польских властей в некоторых случаях имела определенные успехи, с которыми приходилось считаться членам КПЗБ при планировании своей деятельности. В одном из отчетов Брестского окружного комитета партии за 1935 г. отмечалось: «Полицию [местные жители – О.К.] называют “панамии”. Хотя те обращаются по-польски, они [местные жители – О.К.] отвечают на родном языке, гордятся тем, что являются полешуками» [11, л. 8]. В другом отчете Брестского окружного комитета, также датированном 1935 г., дана более развернутая характеристика тактики польских властей в регионе и изложены меры, необходимые для завоевания КПЗБ популярности среди местных жителей: «Деревни Брестчины со всех сторон пробует взять оккупант под свое влияние. В хитрых маневрах оккупанта, в противоречиях деревенской жизни, в неравномерности развития классовой борьбы очень многие из крестьян не могут разобраться. Все это оккупант использует. Сейчас очень часто полиция изъясняется с крестьянами на местном наречии. Есть факты, когда молодежь в ряде мест (Малорита, Страдечь) под влиянием резервистов, стрельцов [польские молодежные патриотические организации – О.К.] отошла от революционной борьбы. В массах наше влияние сильно, но до масс мы доходим не везде. Говорим мы с массой на не совсем понятном для них языке. Как общее явление – из молодежи мало кто умеет читать, писать, несмотря на то, что ходили в полонизаторские школы. Полесье нуждается в украинской литературе. Молодежь хочет учиться, но возглавить это дело пока некому» [11, л. 39]. Таким образом, члены КПЗБ планировали использовать понятный для жителей Полесья язык, указывая, что польские власти в отдельных случаях прибегали к подобной тактике. Осознавая наличие «местного наречия» у жителей Полесья, члены КПЗБ, очевидно, считали, что генетически близкий к данному наречию украинский литературный язык будет наиболее понятен населению края.

Важным для актива КПЗБ являлся вопрос языка литературы, которую следовало направлять в полесский регион. В качестве наиболее подходящего для нужд местного населения языка чаще всего указывались русский либо украинский языки, а белорусский язык однозначно трактовался как непонятный для жителей края. Так, в отчете малоритской организации КПЗБ за 1933 г. отмечалось: «Литературу лучше всего присылайте на русском языке, по-белорусски совсем не понимают, и по-польски не понимают» [12, л. 53]. В отчете о работе пинского округа КПЗБ за ноябрь – декабрь 1935 г. отмечалось: «Большую часть литературы присылайте на русском языке. На белорусском языке не нужно присылать ничего, потому что не умеют совершенно читать, за исключением единиц. Если есть, можно часть послать на украинском языке, ну и часть на польском» [13, л. 66]. В одном из отчетов Брестского областного комитета КПЗБ от 15 февраля 1934 г. признавалась роль украинского языка как оптимального средства

коммуникации с местными жителями. При этом сохранялось скептическое отношение к потенциалу белорусского языка для агитации жителей Полесья: «Особенно важна для нас партийная литература для воспитания народа в родном языке (украинском). Товарищи не умеют и не могут читать белорусскую литературу. Есть даже недовольство по этому поводу» [14, л. 3]. В анкетах, направляемых активом местных ячеек в секретариат Брестского окружного комитета КПЗБ, также содержались рекомендации по более широкому использованию агитационной литературы на украинском языке [6, Л. 322–323].

Несмотря на достаточно высокую оценку значения русского языка для эффективной агитационной работы, Брестский областной комитет КПЗБ стремился не допустить распространения прорусских настроений в регионе. В аналитическом разборе обращения Пружанского районного партийного комитета, содержавшего лозунг «Да здравствует память русского вождя В. Ленина!», отмечалось: «Мы забываем, что на Полесье мы более, чем в других местах, имеем остатки русского великодержавного шовинизма, который может быть использован белогвардейщиной» [6, л. 379]. Любопытно, что и польские власти чинили многочисленные преграды русскоязычной прессе в Полесском воеводстве (например, газете «Под небом Полесье», издаваемой активистом русского движения в Пинске П. Хиничем), видя в ней источник нежелательного для себя роста прорусских симпатий в крае [15].

Таким образом, КПЗБ в своей деятельности уделяла основное внимание социальным и классовым, а не национальным вопросам. Этнокультурная природа жителей Западного Полесья рассматривалась активом КПЗБ главным образом в лингвистическом контексте. Члены партии, позиционировавшие себя в качестве политической организации белорусских рабочих и крестьян, понимали, что у большей части населения Полесского воеводства отсутствовало устойчивое белорусское национальное самосознание. Одной из ключевых причин данного явления являлась целенаправленная политика польских властей по поддержке локальной формы полесской идентичности. Осознавая возможные итоги инициированных элитами региона практик, члены КПЗБ стремились вести агитационно-пропагандистскую работу на понятном для населения языке. Чаще всего таким языком являлся наиболее близкий к местному наречию (на взгляд значительной части актива КПЗБ) украинский литературный язык. Русский язык, который часть населения усвоила в период вхождения региона в состав Российской империи, также широко использовался в работе КПЗБ. Отношение к белорусскому языку как к средству коммуникации с населением Полесского воеводства у большинства членов КПЗБ было скептическим.

1. Ціхарацкі, П. Паляшук – аб’ект цывілізацыйнай місіі і пакрыўджаны суайчыннік. Праваслаўныя вясковыя жыхары Палескага ваяводства ў польскай папулярнай літаратуры міжваеннага перыяду / П. Ціхарацкі // Arche. – 2014. – № 7–8. – С. 72–110.
2. Cichoracki, P. Województwo poleskie 1921–1939. Z dziejów politycznych / P. Cichoracki. – Łomianki : LTW, 2014. – 477 s.
3. Śleszyński, W. Województwo Poleskie / W. Śleszyński. – Kraków : Avalon, 2014. – 355 s.
4. Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст: БрДУ, 2008. – 319 с.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 242п. – Оп. 1. – Д. 349.
6. НАРБ. – Ф. 242п. – Оп. 1. – Д. 347.
7. НАРБ. – Ф. 242п. – Оп. 1. – Д. 350.
8. Казак, А. Падтрымка лакальнай ідэнтычнасці ў Цэнтральнай Еўропе (палітыка Польшчы на Палессі ў міжваенны перыяд і Венгрыі ў Падкарпацкай Русі ў 1939–1944 гадах) / А. Казак // Чацвёрты Міжнародны Кангрэс даследчыкаў Беларусі, г. Коўна, 3–5 кастрычніка 2014 г. / Універсітэт Вітаўта Вялікага; пад рэд. А. Казакевіча, В. Смока, Т. Блашчака [і інш.]. – Коўна, 2015. – С. 139–142.

9. Сьяшыньскі, В. Палессе ў палітыцы польскай дзяржавы ў 1918–1939 гг. / В. Сьяшыньскі // Arche. – 2011. – № 3. – С. 370–382.
10. Распоряжение Полесского воеводы В. Костек-Бернацкого местным органам управления о толерантном отношении к местному населению // Польша – Беларусь (1921–1953): сб. документов и материалов / сост.: А. Н. Вабищевич [и др.]. – Минск, 2012. – С. 167–168.
11. НАРБ. – Ф. 242п. – Оп. 1. – Д. 499.
12. НАРБ. – Ф. 242п. – Оп. 1. – Д. 351.
13. НАРБ. – Ф. 242п. – Оп. 2. – Д. 541.
14. НАРБ. – Ф. 242п. – Оп. 2. – Д. 477.
15. Шевченко, К. В. Русский Мир в борьбе за выживание: Западно-белорусские земли в составе Польши в 1919–1939 гг. / К. В. Шевченко // Западная Русь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zapadrus.su/zaprus/istbl/1498-russkij-mir-v-borbe-za-vyzhivanie-zapadno-belorusskie-zemli-v-sostave-polshi-v-1919-1939-gg.html>. – Дата доступа: 14.09.2017.